

Протоиерей МИХАИЛ ДИМИД

ПОЛНОТА ПРАВОСЛАВИЯ ПОДРАЗУМЕВАЕТ ПОЛНОТУ ЕВХАРИСТИЧЕСКОГО ГОСТЕПРИИМСТВА

Когда мы творим память о страданиях, смерти и воскресении Господа нашего Иисуса Христа, мы чувствуем, что речь идет о полноте, которую нельзя пережить одному, погрузившись в воскресение Христа, что такой опыт возможен только в полноте Его Церкви. При этом мы осознаём, что мы можем принести Господу только свою личную скверну и свою коллективную гордость.

Но основное призвание христианина — суметь прийти со своей историей немощей и сомнений и отдать их Господу в несовершенной общине, а от Него получить Царство. Мы не отличаемся своей добротой от «плохого» мира и спасаемся не потому, что мы «лучшие»! Мы касаемся избавления, ибо такова природа Евхаристической Литургии, которая является собранием исполненных надежды во Христе и ждущих встречи с Ним. Такое ожидание должно совершаться без боязни, расчета и страховки, но с открытым сердцем, которое любит, раскаивается и надеется.

Наш приход и пребывание в общине Церкви, совершающей Литургию на алтаре, — это переход, обозначенный иконостасом, от мира сего к Царству славы. Участие в Евхаристии является преобразованием всей Церкви из ветхого в новый Иерусалим. Здесь Церковь находит свою первоначальную сущность Тела Христова и становится им. Прот. Александр Шмеман говорит, что «Церковь входит в "благодать", а "благодать" означает новое бытие, Царство, грядущий мир».¹

¹ Александр Шмеман. За життя світу: Таїнства і православ'я. Львів 2009. С. 55.

В Первом Послании к Коринфянам (11:17–34) апостол Павел обращает особое внимание на то преобразование, которое мы должны пережить, когда сходимся на Вечерю Господню. Злоупотребление коринфян, делившихся на отдельные группы для Вечери, указывает на проблему ритуализации и на недостаток чувства глубокого значения Евхаристической Литургии. Чтобы помочь коринфянам исправить недоразумение, апостол Павел приглашает их размышлять над значением тех действий и слов Иисуса Христа, которые они неоднократно повторяют, не понимая следствий из них.

Коринфяне в действительности не нарушали литургических правил, нормировавших празднование Вечери. Их ошибка заключалась в том, что они разделяли общину именно тогда, когда в ней должно было проявляться максимальное единство. Поэтому Павел и говорит (ст. 20): *«Если вы и собираетесь вместе, — вы вечерю Господню не вкушаете»* [перев. еп. Кассиана]. Напоминание апостола относительно Господней Вечери показывает, что Евхаристическая Литургия без братского общения и тем более в контексте разделений есть измена Христу, отрицание всего, что Он хотел выразить Своей смертью, которую предвозвестил на Тайной Вечери.

Христианам следует приходить на Литургическую Евхаристию из мира и с миром, чтобы войти в Божий мир и получить его, быть им пропитанным — в этом, к примеру, смысл благословения священнослужителя, который вводит раздробленного, разбитого человека и общину таких людей, собранных в Церковь, в единство и целостность неба и земли, которую установил Христос.

Хлеб, елей, вино, приносимые людьми, также указывают на то, что Евхаристия Церкви невозможна без человеческого компонента в целом, без дарования этого несовершенного и грешного мира человеком в общине своему Богу! В том и заключается Евхаристия, чтобы все сотворенное восстановить в Боге, чтобы то, что утратило совершенство, вновь одухотворилось и возобновило полноценную первичную жизнедеятельность!

Когда мы приносим Богу свои контрасты — единство и разобщенность, православие и инославие, любовь и ненависть, открытость и закрытость, — мы понимаем, что не ради наших заслуг, не ради заслуг общины как таковой мы дарим Богу угодную Ему жертву, но что жертва становится приемлемой и милой Господу только потому, что она приносится ради Христа, во Христе и для Христа.

Мне встретилось выражение патриарха Пимена:

Литургия! Сколь величественный символ единения верных во Христе Иисусе и сколь действенный инструмент нашего реального вхождения в единство Тела Христова! Нет большей радости, чем радость ощущения евхаристической общности, нет более могущественного стимула для распространения этой общности по всему пространству Церкви и даже за ее пределы.²

Наша община единения потому и существует, что Христос уже всё принес Отцу, и ради этой полноты и совершенства Его приношения наша жертва в Нем обретает полноту своего первичного предназначения. То, что мы получили от Творца и что оскудело в нас из-за греха, мы жертвуем Христу, а Он наполняет это Своею благодатью, делает жертву милой Отцу и отдает нам эту жертву, которая является нашей обновленной жизнью, нашей возрожденной Церковью, нашим преобразенным миром.

Приносить свою разобщенность для исцеления во Христе — это то усилие, которое требует апостол Павел от коринфян. Общность, совместная трапеза на Вечере Господней имела принципиальное значение потому, что указывала на необходимость конкретной солидарности в учении Иисуса, а особенным образом — в поступке, совершенном Им в Его смерти. На этой солидарности была основана уникальность общины, получившей от Него свое имя. Вкушать вместе этот ужин, в значительной мере обеспеченный только богатыми

² Блаженнейший митр. Владимир (Сабодан). Эклезиология в отечественном богословии. Киев 1997. С. 440.

христианами, было средством удовлетворения потребностей бедных христиан не в плане благотворительности, а в плане солидарности, как знак того, что они «имели всё общее» (Деян. 2:44): это был решающий выбор и признак ранней христианской общины.

Важно понять, что и сейчас в воплощенной Христовой неразделенной Церкви существуют различные группы христиан, которые отличаются друг от друга «степенью церковности». И то, что по-настоящему и полностью воцерковленные приносят неоскверненную пищу для трапезы, не дает им права собираться особняком ради Господней Вечери, изолироваться от «не совсем воцерковленных и бедных в вере»!

Важность этого вопроса для христианской общины ясна в том, что, по словам апостола, кто участвует в Господней Вечере, не признавая «тела», то есть Христа и/или общину, которая составляет Его тело (ср. 12:12), тот ест и пьет свое «осуждение». Это утверждение касается не только отдельных лиц, но и всей общины, которая, в случае неверности, сама себя упраздняет.

Чтобы избежать этого осуждения, конечно, недостаточно сегодняшнего литургического формализма, который легко прячется за канонами и уставами, чтобы утаить незаинтересованность некоторых церквей стать одной солидарной общиной Христа на Земле. Эти важные нюансы понимал митрополит Владимир (Сабодан), когда в своей магистерской работе писал:

Но то, что в инославии осталось церковного, что в инославии подлинно свято, ценно и истинно, т. е. по существу православно, вопреки общему инославию, то не может быть отвергнутым. Общение с отколовшимися от Церкви возможно и необходимо, когда они обращаются какой-то своей стороной к Церкви. И каноны церковные, запрещающие общение с отлученными [...], в этом случае надо понимать не узко законнически, не формально-юридически, а по их духу. [...] Двойственный подход к инославию сохраняется и при решении более общих вопросов об иерархии и таинствах вне Церкви.³

³ Блаженнейший митр. Владимир (Сабодан). Там же. Сс. 374–375.

То, что делает истинным и плодотворным празднование Вечери, — это интенсивное личное общение отдельных людей, которые вместе в общине совершают настоящее путешествие веры, в общении со всеми другими общинами, которые также верят в воскресшего Господа (ср. Кор 1:2). То, как Церкви празднуют Евхаристию, служит пробным камнем, по которому проверяется не только верность Христу христианской общины и всех ее членов, но и ее влияние на общество. Христиане, которые едят тот же хлеб и пьют из одной чаши во время Господней Вечери, возвещают Его смерть всем тем, кто — верующие они или нет — участвуют в евхаристическом собрании (ср. 14:23–24), как и тем, с которыми они делят значительную часть своей гражданской и профессиональной жизни. Подлинная христианская жизнь, в сочетании с миссией, то есть преобразованием мира сего в соответствии с динамикой Царства Божьего, может быть только результатом активного участия в такого рода открытой Господней Вечере.⁴

Анри де Любак задает такой вопрос: «Каким образом Христос воплощает наше единство?». И отвечает: «Тайна Тела Иисуса Христа свершается тогда, когда все члены Его приносят себя на алтарь в Нем и вместе с Ним». «Именно в Евхаристии получает свое полное выражение таинственная сущность Церкви» и, соответственно, «именно в Церкви, в ее кафолическом единстве, сокрытое значение Евхаристии приносит действенные плоды».⁵

Только Божья Любовь, которая изливается на нас благодаря нашему участию в Евхаристии, способна превращать наш мир в Божий мир, наполненный благодатью и потому действительный, то есть действующий в соответствии с его первичным предназначением после сотворения мира. Бог дарует нам Свою любовь и тем самым восстанавливает единство всех в Себе, независимо от всего по видимости иного. В Боге через

⁴ 1 Corinzi 11, 23–26: La cena del Signore // http://www.nicodemo.net/NN/commenti_p.asp?commento=1%20Corinzi%2011,23-26.

⁵ Анри де Любак. Мысли о Церкви. Милан-Москва: Христианская Россия 1994. С. 115.

Евхаристию Церковь вновь становится Церковью — Единой, Святой, Соборной и Апостольской! Всё остальное — лишь тень греха, которая, однако, пугает и вводит в заблуждение, что реальность — не Божья, а мира. Лишь Евхаристия способна открыть нам сердца и глаза на реальность Божьего мира, в котором жизнь пребывает в своем первоначальном неоскверненном виде. Это не только открытие, это и погружение!

[Митрополит Иоанн] Зизиулас демонстрирует тождественность Христа и церкви на примере евхаристической молитвы. Хотя церковь молится Отцу через Сына, это не означает, что Сын выступает в роли посредника между церковью и Отцом. В евхаристическом синаксисе молитва общины, отделившей себя от Христа, привела бы к возникновению тройственных отношений между молящейся церковью, посредником-Сыном и слушающим Отцом; эти тройственные взаимоотношения не только исказили бы роль Христа, но и сделали бы саму молитву бессмысленной и бесполезной. Когда церковь молится, за нее молится Христос, так что ее молитва становится молитвой Христа, он молится вместо [*anti*] нас. То, что молитва церковной общины ничем не отличается от молитвы Христа, следует понимать исключительно как полное отождествление — в этот момент — Христа с церковью.⁶

Важно помнить, что народ, который приходит в храм и собирается вокруг алтаря, где он принес свои дары, свои миры, просфору, то есть хлеб и вино, — это народ-паломник, оставляющий свой мир, чтобы вознестись со Христом к небесному миру и тем самым ради Христа и в подражании Христу превратить свою реальность в совершенную действительность. То, что происходит с просфорой на алтаре, происходит с нами, потому что Дух Святой сходит «на нас и на предлежащие Дары»! Мы становимся — индивидуально и коллективно — теми, кем и должны всегда быть и никогда не могли не быть!

Так наступает полнота бытия, которую мы получаем в дар лишь через общее возношение ввысь наших сердец к Иисусу Христу!

⁶ *Мирослав Вольф*. По подобию Нашему. Церковь как образ Троицы. Черкассы 2012. С. 121.

Не через разум, не по причине праведности или каноничности, но как приношение несовершенств и выявление благодарения за новое приведение к Божией любви и радости. Этот отклик и внутреннее чувство благодарности за «благодеяния явные и неявные» открывает нам путь в будущий век, делает нас служителями святости и тем самым — святыми, членами мистического Тела Христова, Единой Церковью!

Митрополит Владимир (Сабодан) писал:

Сакраментальная жизнь Церкви, как и иерархическая, ориентирована не на исторический факт основания таинств Христом или апостолами, а на живую и действующую в Церкви, созидающую определенные формы жизни благодать Пресвятой Троицы.⁷

Итак, принимая во внимание историческую практику Церкви, можно сделать вывод, что Православие возможно в какой-то мере за пределами Православной Церкви как организации.⁸

А прот. Сергей Булгаков добавляет:

И окружение это является внутренне единым с ним, имея его своим центром, поскольку и в нем действует сила Христова и благодать Святого Духа. И объявлять их отлученными от того и другого человеку не дано.⁹

Только такое переживание делает нас христианами, которые со Христом могут «едиными устами и единым сердцем» «славить и воспевать» Бога Отца! Это славословие приводит нас вновь к основанию нашей святости — Христу. Мы приносим себя, свой мир, свой грех, свое терпение, свою раздвоенность, которые могли исполниться только через самопожертвование Христа: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся»!

Именно для того, чтобы наш хлеб, наше мировоззрение стали милыми Богу, мы вывели их из повседневной жизни и принесли в несо-

⁷ Блаженнейший митр. Владимир (Сабодан). Там же. С. 401–402.

⁸ Блаженнейший митр. Владимир (Сабодан). Там же. С. 376.

⁹ Блаженнейший митр. Владимир (Сабодан). Там же. С. 377.

вершенную жертву Христу. Для этого мы вознеслись с Ним, доверились Господу и стали участниками возрождения, в котором Христос наполнил нас Собой! Евхаристия — это Христос, наполняющий всю нашу жизнь Собой, превращающий наш хлеб в Свой Хлеб, нашу общину в Свою Церковь! Тогда наш мир становится уже возрожденным и способным действовать Божьей Любовью, ибо он стал Божиим Миром!

Такая динамика эсхатологична, ибо она являет нам будущий век, до которого наши церковные эгоизмы не позволяют нам дотронуться. Евхаристия должна повести нас за пределы нашего мышления, туда, где действует Дух! Мир во Христе должен становиться миром Церкви, как это происходит во время Евхаристии! Только Церковь, которая умеет через Евхаристию видеть мир таким, каков он есть, выйти из своих партикуляризов, дабы войти в потусторонность, может назвать себя Полнотой, или Вселенской Церковью!

Только Церковь, которая смиренно входит в таинство и, покинув свою светскую логику единства, отдает себя под полное покровительство Иисуса Христа, может понять, что не ее заслуги сделали ее людей достойными причаститься, но ощущение бессилия и неспособности к единству перед Божественными вызовами привели к смирению, чтобы смочь принять дар и ответить положительно Его святой воле, чтобы все пришли к Нему!

Надо, чтобы Церковь умела полностью отдать себя Господу, как старец Симеон, увидев Иисуса, понял, что смерть для него — исполнение ожидания, новый рассвет, начало. Часто боязнь Церкви, что она не будет нужна как отдельная организационная единица, не позволяет рождать новую жизнь, которую ей постоянно предлагает Христос!

Церковь не сможет достичь новой жизни, если не поверит в сакральность мира, в то, что сотворенный Богом мир благ, что через творение Бог явился вселенной и стал присутствовать в жизни каждого человека через Свое воплощение! Бог соединяется с целым миром, со всем сотворенным, и в этом смысл тех даров, которые мы приносим на Евхаристию и которые представляют собой все сотворенное!

Когда мы на Евхаристии говорим: «Твоя от Твоих Тебе приносящее о всех и за вся», мы всё человеческое и всё тварное возносим, чтобы Христос наполнил Собой всё! Только когда мы принимаем всё в Литургии, мы можем стать участниками будущего века! Мы не можем найти смысл нашего существования и нашей «праведности» в действии самой Церкви, но лишь — в Евхаристии.

Поэтому важно понять, что закон любви к Богу и ближнему, а не отдельные канонические предписания, — как и кому приступать к Евхаристии, — должны на деле управлять общиной, которая через Евхаристию, каждый раз, становится полнотой Церкви Христовой! Если община не в состоянии освящать профанное, исцелять раздвоение, снимать проклятие, вносить сверхъестественное в естественное, то это становится большой трагедией для ее верных, которые не могут стать Церковью в своей полноте, ибо тогда она уже — не Событие, где Бог, человек и мир общаются и образуют гармонию.

Поэтому наше предположение следующее: нет полноты Православия в церкви, в которой ограничена возможность принесения универсальной жертвы и, соответственно, отсутствует евхаристическое гостеприимство. Это потому, что таким образом внесен дух секуляризма, эксклюзивизма, который отрицает со стороны общины верных открытость к благодати, а следовательно, и к действию Святого Духа, приносящего нам истину, свет и жизнь.

Полнота Православия присутствует там, где Благодарение приносится всей общиной. Закончу словами известного православного экумениста Антуана Аржаковского: «Самые традиционные практики Церкви позволяют христианам, готовым причащаться из одной Чаши, отбросить обязанность "доказывать"»; «для православного богословия участие в евхаристической жизни не является ни имуществом, которым оно может владеть, ни индивидуальным опытом. Речь идет одновременно о заповеди и о даре Бога, призывающего к ответственности, а значит, к суждению, которое должно быть личным...».¹⁰

¹⁰ Антуан Аржаковский. Очікуючи на Всеправославний собор: Духовний та екуменічний шлях. Львів 2013. С. 376–377.